

**СЕКЦИЯ «ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ»**

УДК 94 (571)

М.А. Демин

**КОЛОНИЗАЦИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ
В XVII в. В РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В 1920-е – первой половине 1930-х гг. закладывались основы марксистской концепции колонизации и хозяйственного освоения Сибири в XVII в. Она претендовала на принципиально новый по сравнению с дореволюционной историографией взгляд на начальный период истории региона в составе России и находилась под сильным влиянием идеолого-политических факторов и формационного редукционизма.

Ключевые слова: историография, колонизация, освоение Сибири.

В первые два десятилетия послереволюционной эпохи утверждавшаяся в качестве доминирующей марксистская историография восприняла широко распространенную в предшествовавшее время концепцию завоевания Сибири, придав ей крайне отрицательное звучание [1. С. 55]. Такой подход отвечал общей характеристике России как «тюрьмы народов», построенной «на костях инородцев», оценке вхождения новых неславянских территорий в ее состав как «абсолютного зла». Присоединение восточных окраин сопоставлялось с самыми потрясающими страницами европейского колониализма.

Сложнейший вопрос о взаимодействии русского и аборигенного хозяйственных комплексов, взаимовлиянии культур стал рассматриваться в рамках упрощенного и однозначного осуждения и демонизации «русских колонизаторов». Получает распространение образ разбойников с большой дороги, которые «пламенеющим языком меча и огня» со всем цинизмом первоначального накопления поработали восточную окраину, занимались массовой резней, стогом аборигенов с насиженных мест, распространяли пьянство и венерические заболевания. Появляются и обобщающие пассажи о «нехорошем народе», явившемся по воле «злого царя», непримиримом антагонизме русской земледельческой и туземной скотоводческой культур и вообще о роковой роли «русской цивилизации», которая привела к обнищанию, вырождению и вымиранию сибирских народов [2. С. 57–64; 3. С. 150; 4. С. 18–23; 5. № 1; 6. С. 24–34; 7. С. 103; 8. С. 41]. По заключению С.А. Токарева, «более столетия русские колонизаторы Сибири вели изнурительные для туземцев войны, поработали сибирских жителей, грабили их и посредством бесконечных насилий и издевательств установили свое господство» [9. С. 85]. В.Г. Карцов пишет о «хищнической лапе захватчиков», которая не оставляла местным жителям иного выхода, кроме смерти, нищеты и поработки [10. С. 42]. Н.Н. Ваняг в «Кратком очерке истории народов СССР» указывал на военно-феодальный характер присоединения Сибири, когда «грабеж являлся решающим средством мобилизации богатств» [11. С. 16]. По словам А. Турунова, колониальная политика московского правительства привела к хозяй-

ственному истощению аборигенных угодий, вытеснению коренных жителей с их природных территорий. Казачьи отряды нередко совершали хищнические набеги на уже обьясаченных и вполне лояльных местных жителей, «неистовствуя и опустошая» их земли: «Вместе с новой культурой новые насельники края несли разорение и гибель многим слабым туземным инородцам» [12. С. 35–36]. А.П. Окладников отмечал, что военно-феодалная захватническая политика царизма в Сибири осуществлялась огнем и мечом, с истреблением в случае сопротивления целых племен. В особо тяжелом положении оказались западные буряты, которые стали объектом «дикой безудержной травли и звериного шовинизма», утратили свои исконные земельные владения и были обречены на голод и вымирание [13. С. 385, 389].

Вымирание туземцев автор статьи с одноименным названием в «Сибирской советской энциклопедии» связывает, прежде всего, с распространением в результате русской экспансии новых экономических отношений и бытовых условий: «Русские занесли к туземцам водку, сифилис, оспу, туберкулез и другие болезни, русские же сократили размеры кочевий, сожгли и вырубали часть тайги, помогли уничтожить зверей...» и т.п. [14. С. 579].

С.В. Бахрушин также определял процесс присоединения сибирских земель к России как «царское завоевание» и указывал на его пагубные последствия для местного населения. Так, ясачная политика московского правительства, подводные повинности и злоупотребления служилых людей, по его заключению, вконец разорили и без того неустойчивое хозяйство обских угров [15. С. 15]. У сибирских татар под воздействием русских переселенцев произошло стремительное хозяйственное разорение, почти полная утрата скота и обнищание большей части населения [16. С. 64–65]. Вместе с тем в отличие от сочинений публицистической направленности ученый не был склонен тиражировать обличительные пассажи марксистских авторов и предлагал сосредоточиться не на военных операциях русских отрядов, а на изучении внутренних процессов колонизации, на подчинении не силой меча, а «трудом и культурой» [17. С. 260]. По его оценке, русские поселенцы оказывали благотворное воздействие на местное население края [18. С. 36]. По крайней мере, в отличие от западноевропейских колонизаторов они не истребляли и не поработали покоренных народов, не уничтожали их самобытности, предоставив возможность аборигенному населению «жить, как оно хотело». В хозяйственном укладе якутов это проявлялось в сохранении и даже государственной охране промысловых угодий, хотя и обнаруживавших в связи с ясачным сбором уже к концу XVII в. признаки истощения, и преобладающем экономическом значении скотоводства [18. С. 37, 39]. С.В. Бахрушин подчеркивал, что сами русские колонисты испытывали серьезное хозяйственное и культурное воздействие местных жителей: «Русский оделся в якутский санаях, покрыл голову якутским малахаем, построил себе якутскую юрту, вооружился якутской пальмой...» [17. С. 258].

Серьезное влияние на осмысление процессов хозяйственного освоения Сибири в ранней советской историографии оказывала теория «торгового капитализма» М.Н. Покровского. Согласно этой концепции торговый капитал рассматривался в качестве определяющего фактора исторического развития

как в Центральной России, так и на окраинах: «Движение русских на восток... было движением торгового капитала» [7. С. 101]. Выразителями его интересов на начальном этапе покорения края считались «русские промышленники-колонизаторы» Строгановы – «типичные искатели наживы эпохи начала размаха торгового капитала» [7. С. 101], создавшие в Приуралье «крупную торговую фирму» и скопившие несметные богатства [19. С. 72]. Впоследствии завоеванная Сибирь становится колонией московского торгового капитала [20. С. 855–856]. По заключению В.Г. Карцова, русский торговый капитал под прикрытием военного кулака «распоясался в своем произволе, наложил свою крепкую лапу на местное население». Под игом торгового капитала Сибирь разорялась самыми хищническими способами [19. С. 118, 181]. По словам автора соответствующей статьи «Сибирской советской энциклопедии» Н.Н. Козьмина, в ходе продвижения русских людей в Северную Азию всюду действовали «сборные банды казаков и промышленных и торговых людей, производившие систематические грабежи». Сибирь, по его трактовке, была покорена, прежде всего, не силой военной мощи, а «московским товаром». Инициатива в освоении северных и восточных областей региона целиком принадлежала частному капиталу, а колонизация Средней и Южной Сибири, хотя и проходила под контролем правительства, но опиралась на тех «пионеров, которых выделял торговый капитал». Сами алтайские и кыргызские князья просили о постройке острогов с тем, чтобы приходить туда «с торгом» и сбывать продукты скотоводства. По заключению Козьмина, завоевательный грабительский характер сибирской колонизации заключался в том, что как промышленные и торговые люди, так и московское правительство шли на восток не для создания прочного хозяйства, а «с целью выкачивания пушнины, которая представляла тогда единственную колониальную ценность» Это позволило автору статьи сравнить ситуацию в Сибири с барщинным и оброчным крепостным режимом в Европейской России [21. Т. 2. С. 388–390]. В другой работе Н.Н. Козьмин также указывает на значительную роль торгового капитала в эксплуатации колониальных владений в Сибири, в социальном расслоении местного населения. Он подчеркивает, что буряты были вовлечены в сферу деятельности торгового капитала «весьма ощутительно» [22. С. 104–105, 122]. По словам П.Я. Гордиенко, азиатские методы торговли, открытый обман, кабала, вымогательство и грабеж превратили русских купцов в «беззащитных эксплуататоров, разбойников, душителей» покоренных сибирских аборигенов [7. С. 41]. А.П. Окладников отмечал, что эксплуатация коренного населения Бурятии осуществлялась путем совместной деятельности военно-феодального аппарата царизма и торгового капитала [13. С. 385, 387].

Во второй половине 1930-х гг. концепция торгового капитализма теряет свою популярность, однако в исторических работах сохраняются крайне негативные оценки действий русского купечества и ассоциировавшегося с ним ростовщического капитала: «По всей Сибири слышался стон со стороны туземцев не только от правящего ясака, но и от кабального ростовщичества» [9. С. 98]. С точки зрения утверждения марксистской концепции в ранней советской историографии Сибири важным представлялось определение соци-

ально-экономического строя аборигенных обществ в XVI–XVII вв. и влияние российских институтов на их внутреннюю эволюцию. Дискуссии об общественно-экономических формациях и «азиатском способе производства» нашли отражение и в работах по истории Сибири. Тем более, что, по оценке Н.Н. Козьмина, по этим вопросам в сибирской академической и учебной литературе царила «невообразимая путаница», что требовало незамедлительного перевода ее на «марксистские рельсы» [22. С. 8, 132]. В частности, по мнению исследователя, преувеличивался первобытный родовой характер социальных и хозяйственных отношений у ряда коренных народов Сибири. «Методологической несуразностью» назвал он попытки охарактеризовать ряд аборигенных обществ как феодально-родовые или ввести такие понятия, как степной и таежный феодализм, поскольку это ведет к признанию какой-то смешанной классово-бесклассовой формации [22. С. 10, 118, 132–133]. По его заключению, земельные отношения, хозяйственная и социальная дифференциация, внеэкономическая эксплуатация и другие черты роднят бурятское и монгольское общество с классическим западноевропейским феодализмом. Российское завоевание поставило бурятского сеньора в новые условия, но фактически не изменило основ феодальных отношений, усугубив их крепостническими порядками [22. С. 134–136]. В отличие от Н.Н. Козьмина А.П. Окладников характеризует Бурятию XVII в. как «варварское общество», не дошедшее до стадии развитого феодализма, в котором классовые отношения переплетались с элементами родового быта [13. С. 42–43, 386].

С.В. Бахрушин в специальных исследованиях обосновывал идею о распаде родового строя и складывании зачаточных форм феодальной организации у угорских и татарских народов Западной Сибири задолго до русской колонизации. У ханты и манси это проявлялось в утрате родового характера власти и насильственном изъятии князьями в свою пользу ясака, охотничьей и рыболовной добычи: «Остяцкий или вогульский князь в XV–XVI вв. уже перестал быть родовым старшиной своего племени и принял черты маленького феодального сеньора». В переиздании «Избранных работ по истории Сибири XVI–XVII вв.» степень феодализации обских угров была несколько уменьшена. Так, итоговый вывод С.В. Бахрушина о зарождении *феодальных* отношений у этих народов дан в редакции «*патриархально-феодальных* отношений». В его фразе о распаде родовых отношений у ханты и манси задолго до русской колонизации выпущено слово «задолго» и т. п. [23. С. 38, 110, 151]. Вассальная зависимость от Москвы не прервала, а ускорила процесс феодализации, предоставив князьям дополнительные возможности для эксплуатации рядовых соплеменников. Однако, используя нарождающуюся феодальную знать для «порабощения туземного населения», московское правительство приостановило рост ее могущества, и феодализация угорской племенной верхушки не получила дальнейшего развития [15. С. 84–85]. В.Г. Карцов также характеризует общественный строй ханты и манси на основе формационной теории. По его мнению, в XVI в. у них наблюдался процесс феодализации, находившийся еще на первой начальной стадии своего становления. В отличие от Бахрушина он указывал, что русский царизм не

разрушал, а, наоборот, насаждал в аборигенных областях феодальные отношения [19. С. 57].

У сибирских татар феодализм (феодалная раздробленность) утверждался, по мнению С.В. Бахрушина, на основе более сложных социально-экономических отношений, связанных с землевладением, военной службой, завоевательной политикой и классовой дифференциацией общества. «Царское завоевание» привело к хозяйственному разорению значительной части татарского населения, что способствовало дальнейшему распаду родовых отношений. Местная феодальная аристократия постепенно лишается крупных земельных владений и в соответствии с нормами Российского государства переходит на положение служилого сословия. Данные выводы, безусловно, являются продуктом осмысления социальных процессов у сибирских татар под влиянием марксистской методологии, поскольку в более ранней работе С.В. Бахрушин ограничивается указанием на то, что Сибирское ханство являлось «полукочевым царством, раздробленным на ряд плохо спаянных между собой племенных владений» [24. С. 55–80].

Неотъемлемой составной частью марксистского понимания исторического процесса было признание роли классовой борьбы. Однако на первых порах советская историография с трудом разделяла по классовому признаку участников «колониальной войны», русские «колонизаторы», как правило, получали общую негативную оценку. Однако со временем тезис о «двойном иге», под которым находились трудящиеся массы, и совместных выступлениях русских крестьян и обнищавших аборигенов против общего классового врага широко внедряется в сибиреведческую литературу. С.В. Бахрушин высказал предположение, что быстрота, с которой распалось Сибирское ханство, объясняется имевшей там место ожесточенной классовой борьбой [15. С. 61]. В то же время для покорения обских угров московское правительство опиралось на местную феодализирующуюся знать («туземных подручников») [15. С. 84–85]. В.Г. Карцов указывал, что усиление феодального гнета, двойная эксплуатация трудящихся ханты и манси имели следствием классовую борьбу внутри аборигенного общества, тесно переплетавшуюся с освободительной борьбой против царизма [19. С. 60–67]. Н.Н. Козьмин писал, что у податного населения Бурятии «трещат спины» и оно «пробует протестовать» [22. С. 123]. А.П. Окладников также отмечал, что верхушка бурятского общества пошла на компромисс с завоевателями, проводила двойственную предательскую политику по отношению к своему народу. Трудящиеся буряты в силу сохранившихся родовых связей еще до конца не осознали свои классовые интересы, однако, по заключению исследователя, уже в XVII в. происходило стихийное объединение массы бурят и русского крестьянства под тяжестью общей феодально-крепостнической эксплуатации [13. С. 386–388]. В дальнейшем поляризация движущих сил сибирской колонизации станет типичной для советской историографии.

Таким образом, в 1920 – первой половине 1930-х гг. закладывались основы марксистской концепции колонизации и хозяйственного освоения Сибири в XVII в. Она претендовала на принципиально новый по сравнению с до-революционной историографией взгляд на начальный период истории ре-

гиона в составе России и находилась под сильным влиянием идеолого-политических факторов и формационного редукционизма.

Литература

1. Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007.
2. Драбкина Е.Я. Национальный и колониальный вопрос в царской России. М., 1930.
3. Суханов Н. Падение рабства в Сибири // Сибирские огни. 1926. № 1–2.
4. Косвен Н. Якутская республика. М.; Л., 1925.
5. Козыньчиков С.С. Культурно-исторический очерк об алтайцах // Сибирские огни. 1922. № 1.
6. Окунь С.Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935.
7. Кузнецова А. Насильственное крещение бурят // Сибирские огни. 1927. № 1.
8. Гордиенко П.Я. Ойротия. Горно-Алтайск, 1994. [Переиздание книги 1931 г.].
9. Токарев С. Колониальная политика Московского государства в Сибири в XVII веке // История в школе. 1936. № 4.
10. Карцов В.Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. М., 1937.
11. Ванаг Н.Н. Краткий очерк истории народов СССР. Л., 1932.
12. Турунов А. Прошлое бурят-монгольской народности. Иркутск, 1922.
13. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937.
14. К.М. Вымирание туземцев // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. I.
15. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935.
16. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Исторические записки. М., 1937. Т. 1.
17. Бахрушин С.В. Задачи исторического изучения Сибири // Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. 2.
18. Бахрушин С.В. Исторические судьбы Якутии // Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2.
19. Карцов В.Г. Народы Сибири. Очерки прошлого. М., 1935.
20. Сибирь // Малая советская энциклопедия. М., 1931.
21. Козьмин Н.Н. История Сибири // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 2.
22. Козьмин Н.Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М.; Иркутск, 1934.
23. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2.
24. Бахрушин С.В. Исторический очерк... // Очерки по истории Севера и Сибири. Петроград, 1922. Вып. 2. С. 27.